

— Это что... такое?

Мо Юйбай припал к листу бумаги чуть ли не всем лицом, но так и не смог разобрать, что же нарисовал Сяо Лин. Он решил, что это очередная диковинная штуковина, вроде того трёхколёсного спорткара, которую он раньше не видел, и от предвкушения даже пришёл в восторг.

— Это что, какой-то летающий конь? Или машина на ногах?!

— ...

Неужели он не мог подумать, что это человек?

Сяо Лин не знал, что и сказать. Стоит ли признаваться, что он пытался изобразить Мо Иханя, лежащего в шезлонге?

— Я ещё не закончил, вот допишу — тогда и угадаешь!

Точно, всё дело в том, что рисунок не закончен!

Сяо Лин воспрял духом и нанёс последние штрихи.

— Хм... А почему у этого летающего коня голова растёт из живота? — даже самая тихая Цяо Сяоюй не удержалась и задала этот философский вопрос.

— ...Просто он немного странный.

Ладно, Сяо Лин сдался.

Сейчас он и сам не понимал, что нарисовал, не говоря уже о том, чтобы ожидать чего-то от ребёнка. Сначала это было похоже на коня с причудливыми крыльями, но после его правок рисунок превратился в какое-то чудище в стиле «шама-т».

— Пф.

Мо Ихань не сдержал короткого смешка.

Он догадался, что Сяо Лин рисовал его, поэтому мысленно сопоставил позу на рисунке со своей собственной.

Те последние штрихи, что добавил Сяо Лин, — это его причёска?

Надо признать, если присмотреться, сходство было пугающим.

— Неплохо нарисовано!

Сяо Лин молча посмотрел на Мо Иханя, который улыбался с таким довольным видом.

Даже такое художество можно похвалить? Главный герой, ты и правда святой человек.

Интересно, смог бы он улыбаться так же искренне, если бы знал, что на рисунке изображён он сам.

[Ха-ха-ха, что это вообще такое? Простите, я сравнила со скриншотом брата Ханя — вообще ничего общего! Худшее изображение брата Ханя в истории!]

[Странно, разве Сяо Лин не учился на художника? Почему он так рисует?]

[Сяо Лин же учился на танцора, да и вуз не самый престижный, так что неумение рисовать — это нормально.]

[Интересно, догадался ли брат Хань, что это он? А-ха-ха-ха.]

[Брат Хань: я, по-твоему, выгляжу именно так?]

[Спасите! Почему мне кажется, что брат Хань так опекает его? Вы видели? Когда Сяо Лин украдкой посмотрел на него, глаза брата Ханя были не совсем закрыты! Возможно, он знал, что рисуют его, но всё равно похвалил! Ребята, кажется, я под села на эту странную парочку (убегает, прикрывая голову).]

Сяо Лин парой фраз спровадил Мо Юйбая, который всё допытывался, существуют ли в реальности такие странные летающие кони, бросил кисть и снова подпёр рукой щеку, погрузившись в свои мысли.

Раз нет таланта к искусству, не стоит и мучить себя.

Мо Ихань, заметив его унылый вид, снова глухо усмехнулся.

Сяо Лин бросил на него недоумённый взгляд:

— Так смешно?

— Терпимо.

Мо Ихань придвинул табурет, сел рядом с Сяо Лином, протянул руку и забрал у него лист бумаги и брошенную кисть.

— Ты тоже хочешь рисовать? — Сяо Лин моргнул. Зачем ему его лист, если рядом полно чистых? — Я уже использовал этот лист, возьми новый.

— Нет нужды, не хочу тратить бумагу.

Мо Ихань не принял его предложение и начал рисовать прямо на свободном месте.

— Ну, как знаешь.

Сяо Лин решил, что тот просто хочет почеркать, так что не стал спорить. Однако его взгляд невольно приклеился к бумаге — ему было ужасно любопытно, насколько хорошо рисует Мо Ихань.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Мо Ихань довольно улыбнулся.

Он легко покрутил кисть в пальцах, нарисовал кружок и несколько линий-ног. Пара простых штрихов — и перед глазами возник стол. Затем он такими же лаконичными линиями очертил силуэты двух детей.

Сяо Лин расширил глаза от изумления.

Как у него получается рисовать так похоже всего парой движений?! Он даже мог различить, где Мо Юйбай, а где Цяо Сяоюй!

Затем Мо Ихань добавил деталей, даже изобразил рисунки, которые дети разложили на столе. Но не хватало самой важной части.

Когда дело дошло до финала, Мо Ихань повернулся к Сяо Лину и загадочно произнёс:

— Не смотри пока, дождусь конца, тогда увидишь.

— ...Так таинственно? Ладно.

Любопытство Сяо Лина было подогрето, и он послушно отвернулся.

Мо Ихань не только не позволил Сяо Лину подглядывать, но и прикрылся от камер прямой трансляции, слегка развернувшись и заслонив лист левой рукой. Интрига накалилась до предела.

— Готово.

Сяо Лин тут же обернулся. Мо Ихань убрал руку, открывая рисунок целиком.

На другой стороне стола появился взрослый человек. Он будто бы что-то рисовал, но его корпус был развёрнут вполоборота, словно он украдкой на кого-то поглядывал.

А поглядывал он прямо на рисунок Сяо Лина — на спящего в шезлонге Мо Иханя.

Этим взрослым, конечно, был сам Сяо Лин. Мо Ихань даже не забыл нарисовать крошечную родинку на переносице.

С такой деталью отрицать, кто именно здесь изображён, было невозможно.

— ?!

Так он знал, что я тайком его рисовал!

Сяо Лину стало ужасно неловко. Неужели он специально не давал смотреть, чтобы подловить его в этот момент?

[А-а-а-а! Значит, он вёл себя так загадочно, улыбался, потому что рисовал Сяо Лина?!]

[Брат Хань знал, что Сяо Лин рисует его! А-а-а-а!]

[Спасите, ребята, что это значит? Что это вообще значит?!]

[Чёрт, как же сладко... (это вообще можно говорить?)]

[Это что, ад для фанатов-одиночек?]

[Хм! Сначала притворялся, что не знает, а теперь тайком разоблачил его с помощью рисунка! Я точно смотрю шоу о любви?]

[Брат Хань даже родинку нарисовал! Скажу честно, эта родинка на переносице Сяо Лина — самое сексуальное, что есть в его лице! Каждый раз хочется её поцеловать!]

[Мо Ихань — единица, Сяо Лин — ноль, они так подходят друг другу, я хочу это шипперить...]

[Что это за секта?! Очнитесь, нельзя это шипперить!]

Сяо Лин взял рисунок, не зная, что и сказать.

Линии Мо Иханя были простыми, но живыми и выразительными, что создавало резкий контраст с его собственными хаотичными каракулями. Кто бы мог подумать, что два таких разных рисунка сложатся в одну сцену.

— Ты знал, что я рисовал тебя?

— Мгм.

— И всё равно сказал, что неплохо?

— Сойдёт. Мастер абстракции.

— ...

Это просто абстракция, а не стиль «мастер абстракции». Ещё бы услышали его слова настоящие художники-абстракционисты.

Хотя он и похвалил его, Сяо Лин не удержался и закатил глаза, а затем показал Мо Иханю большой палец:

— Ваше мастерство врать глядя в глаза тоже заслуживает звания мастера.

Мо Ихань не считал, что говорит ерунду — ему действительно понравилось. Несмотря на разный стиль, рисунки выглядели странно гармонично.

Хм... Наверное, как и сам Сяо Лин.

Станный, но неожиданно гармоничный. Чем дольше смотришь, тем... милее кажется.

— Время вышло, дети, все карты готовы?

Полюбовавшись на суету вокруг Сяо Лина, режиссёр наконец вспомнил, что нужно следить за графиком.

— Готово! — Да!

Мо Юйбай и Чжоу Шэнци справились быстрее всех, они уже закончили свои карты и помогали девочкам. Цяо Сяюй была самой младшей, ей было трудно рисовать самостоятельно, но Бай Вэйвэй умела рисовать, а Мо Юйбай буквально водил её рукой, так что они тоже закончили довольно быстро.

В итоге самым проблемным участником оказалась старшая — Линь Ясюань.

Её «папа» Лу И и «мама» Цзян Яо рисовать не умели. Даже когда Чжоу Шэнци закончил свою работу и попытался помочь, линии на бумаге Линь Ясюань уже превратились в такую неразбериху, что исправить это было невозможно.

— Объявляю рейтинг готовности карт: Сяобао, Лэлэ, Сяюй, и последняя — Сюаньсюань! Сюаньсюань, не расстраивайся, в следующий раз повезёт!

Режиссёр не забыл утешить девочку. Дети очень дорожат своим достоинством, и было бы плохо, если бы она расплакалась из-за проигрыша. Остальные дети тоже приняты её утешать.

— Сестрёнка Линь, не грусти, ты очень хорошо нарисовала!

Чжоу Шэнци увидел, что Линь Ясюань смотрит в рисунок, и решил, что она расстроена, отчего растерялся. Хотя карта была совсем не похожа на карту, она ведь так старалась!

— А я и не грущу!

Линь Ясюань любовалась своим творением, подняла голову и, увидев, что все окружили её, удивлённо моргнула. Стоящий рядом Лу И безразлично пожал плечами: он знал, что с толстокожестью Линь Ясюань ждать слёз из-за проигрыша в детской игре не стоит.

— Ничего страшного, Сюаньсюань, не падай духом, в следующий раз постараемся!

Рейтинг в рисовании влиял на ужин, поэтому Цзян Яо, хоть и была недовольна последним местом, вынуждена была играть роль доброй «мамы».

Линь Ясюань промолчала. Эта «мама Цзян» так любит красоваться, а где она была, когда нужно было помочь? И интересно, каким глазом она увидела, что девочка расстроена?

— Я и не умела рисовать, младшие нарисовали лучше меня — это же нормально! — Линь Ясюань не стала слушать Цзян Яо, а похлопала по руке Чжоу Шэнци, утешая его. — К тому же, каждый должен заниматься своим делом!

— Ого, ты даже знаешь такое выражение? — услышав это из уст шестилетнего ребёнка, Сяо Лин не сдержал смеха. — И в чём же тогда специализируется наша Сюаньсюань?

Девочка гордо выпрямилась, выпятив грудь:

— Когда вырасту, я стану великим агентом! Мама сказала, агентам не нужно уметь рисовать, достаточно уметь «рисовать пироги»!

— Пф-ха-ха-ха! Рисовать пироги!

Цяо Цзэ первым не выдержал и расхохотался, остальные последовали его примеру. Только дети недоумённо переглядывались — они не понимали, что такого смешного. Чжоу Шэнци был развит не по годам, но и он не понял смысла фразы.

— Сестрёнка Линь, что значит рисовать пироги? Зачем агенту это уметь?

— Хм... На самом деле я не совсем уверена, — Линь Ясюань подняла голову, пытается вспомнить, но забыла, что именно имела в виду мама. Она торжественно сжала ручку Чжоу Шэнци и серьёзно добавила: — Это неважно, Лэлэ. Когда я стану великим агентом, я сделаю из тебя международную суперзвезду!

— ...Хорошо! — Чжоу Шэнци смутился, что она держит его за руку, но не отказался и серьёзно кивнул.

— Пф... — Сяо Лин смеялся так, что заболел живот. Какие же дети забавные.

[Сюаньсюань далеко пойдёт, в таком возрасте уже умеет «рисовать пироги», ха-ха-ха!]

[Смотри на этот пирог, он такой большой и круглый!]

[Сюаньсюань и Лэлэ: одна смело рисует, другой смело ест, ха-ха-ха, я подсела!]

[Кто бы мог подумать, что я буду шипперить пятилетних детей (я сошла с ума).]